

**ОБЗОР
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ
№3/2020**

1. Разрешение споров, возникающих из трудовых отношений.	1
2. Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений.	4
3. Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда.	10
4. Процессуальные вопросы.	19
5. Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике.	33

1. Разрешение споров, возникающих из трудовых отношений.

Конкурсный управляющий, осуществляя права и обязанности работодателя в период конкурсного производства, вправе увольнять работников организации-должника в порядке и на условиях, которые предусмотрены трудовым законодательством.

О.А. обратилась суд с иском к ООО о восстановлении на работе в должности главного аудитора, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

Исковые требования мотивированы тем, что истец работала в ООО в должности главного аудитора. Решением Арбитражного Суда республики от 11 октября 2019 года ООО признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство до 02 апреля 2020 года, и.о. конкурсного управляющего назначен В.Я., который 29 октября 2019 года вручил истцу уведомление о предстоящем увольнении по пункту 1 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) в связи с ликвидацией организации. Приказом от 30 декабря 2019 года трудовой договор с истцом был прекращен по указанному основанию, в этот же день выдана трудовая книжка, произведен расчет. Истец полагала свое увольнение по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ незаконным, поскольку в день вынесения приказа об увольнении В.Я. ссылаясь на то, что прекратит деятельность ООО после передачи электросетевого имущественного комплекса в муниципальную собственность, то есть после 15 января 2020 года. Однако, ООО до настоящего времени не ликвидировано, ведет производственно-хозяйственную деятельность в том же объеме, большая часть работников, также получивших уведомление о предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации, продолжает работать.

Решением районного суда года постановлено:

восстановить О.А. на работе в ООО в должности главного аудитора с 31 декабря 2019 года и взыскать с ООО в пользу О.А. заработную плату за время вынужденного прогула, а также компенсацию морального вреда.

Рассматривая дела в апелляционном порядке, судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Как установлено судом первой инстанции, О.А. работала в должности главного аудитора.

15 октября 2019 года О.А. письменно уведомлена о предстоящем увольнении по истечении двухмесячного срока со дня получения уведомления по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ - в связи с ликвидацией организации.

Приказом конкурсного управляющего В.Я. от 30 декабря 2019 года О.А. уволена с должности главного аудитора аппарата управления ООО по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ - в связи с ликвидацией организации.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии у ответчика оснований для увольнения истца в связи с ликвидацией предприятия, поскольку организация на момент увольнения О.А. не ликвидирована и продолжает осуществлять свою деятельность до настоящего времени. Установив незаконность увольнения истца и восстановив ее на работе в прежней должности, суд в соответствии со статьей 394 ТК РФ взыскал в пользу истца средний заработок за время вынужденного прогула, а также компенсацию морального вреда.

С такими выводами суда первой инстанции судебная коллегия не согласилась, исходя из следующего.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 81 ТК РФ трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

О предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации, сокращением численности или штата работников организации работники предупреждаются работодателем персонально и под роспись не менее чем за два месяца до увольнения (часть 2 статья 180 ТК РФ).

В пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" разъяснено, что основанием для увольнения работников по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ может служить решение о ликвидации юридического лица, то есть решение о прекращении его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, принятое в установленном законом порядке (статья 61 ГК РФ).

Ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо - прекратившим существование после внесения сведений о его прекращении в единый государственный реестр юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц (пункт 9 статьи 63 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 20 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" регистрирующий орган вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации.

Спорные правоотношения возникли в связи с увольнением истца с должности главного аудитора на основании приказа конкурсного управляющего от 20 декабря 2019 года по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации", статье 81 Трудового кодекса Российской Федерации, статье 61 Трудового кодекса Российской Федерации, пунктах 1, 3 статьи 149 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" при разрешении спора о законности увольнения истца в связи с ликвидацией организации ответчик должен доказать факт действительного прекращения деятельности организации.

Судом установлено, что решением Арбитражного Суда республики от 02 октября 2019 года ООО признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство, исполняющим обязанности конкурсного управляющего до назначения конкурсного управляющего утвержден В.Я.

Решением Арбитражного Суда республики от 11 октября 2019 года установлена невозможность погашения должником ООО реестровой и текущей кредиторской задолженности за счет финансово-хозяйственной деятельности, данные бухгалтерского учета свидетельствуют об убыточности деятельности ООО и невозможности восстановления платежеспособности должника.

11 июня 2020 года в единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о том, что ООО признано несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыто конкурсное производство.

Абзацем 2 пункта 1 статьи 65 ГК РФ, пунктом 3 статьи 149 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" предусмотрено, что признание юридического лица банкротом судом влечет его ликвидацию.

Исходя из положений статей 126 и 129 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника, иных органов управления должника. Полномочия руководителя должника и иных органов управления должника осуществляет конкурсный управляющий с даты его утверждения и до даты прекращения производства по делу о банкротстве, на которого возложена обязанность уведомить работников должника о предстоящем увольнении не позднее чем в течение месяца с даты введения конкурсного производства и которому предоставлено право увольнять работников должника в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом.

Процедура конкурсного производства завершается после рассмотрения арбитражным судом отчета конкурсного управляющего. После завершения конкурсного производства конкурсный управляющий выполняет обязанности по подготовке документов для государственной регистрации организации в связи с ее ликвидацией.

Таким образом, процедура конкурсного производства ликвидируемого должника является одной из стадий процедуры ликвидации, от момента принятия решения о ликвидации юридического лица до прекращения его деятельности осуществляется ряд необходимых мероприятий, направленных на ликвидацию организации и ее расчет с кредиторами, в том числе предупреждение работников организации о предстоящем увольнении, их последующее увольнение и выплата им полагающихся при увольнении сумм, поскольку согласно статье 64 Гражданского кодекса Российской Федерации работники относятся к кредиторам второй очереди, сведения о завершении расчетов с которыми вносятся в ликвидационный баланс. Только после завершения этих расчетов, составления ликвидационного баланса и выполнения остальных предписанных законом мероприятий возможно внесение записи о регистрации ликвидации юридического лица. При таком положении работодателю невозможно соблюсти процедуру увольнения работников после внесения записи о регистрации ликвидации юридического лица.

С учетом изложенного, расторжение конкурсным управляющим организации трудовых договоров с работниками организации, находящейся в процедуре конкурсного производства по основанию, предусмотренному пунктом 1 части 1 статьи 81 ТК РФ, с соблюдением требований, установленных статьей 178 (выходные пособия) и 180 ТК РФ (гарантии и компенсации работникам при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников организации), до вынесения арбитражным судом определения о завершении конкурсного производства является правомерным, поскольку осуществляется конкурсным управляющим в рамках полномочий, предоставленных ему Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

Соответствующая правовая позиция изложена в определении Верховного Суда РФ от 25 января 2016 года № 48-КГ15-10, Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016).

Действительно, в ходе рассмотрения настоящего дела факт завершения конкурсного производства ООО не установлен, однако продолжение его деятельности обусловлено не возможностью восстановления его платежеспособности, а иными причинами (социально-значимый объект), не связанными с экономическим положением предприятия и наличием оснований для его ликвидации. Ответчиком подтверждено, что им принимаются меры для завершения конкурсного производства, продажи имущества должника, в связи с чем у судебной коллегии сомнения в том, что деятельность предприятия будет прекращена, отсутствовали.

При таких обстоятельствах у ответчика имелось основание для расторжения с О.А. трудового договора по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ в связи с ликвидацией ООО, которая осуществляется в порядке конкурсного производства по решению арбитражного суда.

С учетом того, что порядок и условия увольнения О.А. по пункту 1 части 1 статьи 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации ответчиком были соблюдены и такое основание для ее увольнения у ответчика действительно имелось, исковые требования О.А. о восстановлении на работе в должности главного аудитора, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда не подлежали удовлетворению.

*Апелляционное дело № 33-3169/2020
Калининский районный суд г. Чебоксары*

2. Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений.

При установлении долей в спорном жилом помещении необходимо учитывать также источники денежных средств, направленных на строительство жилого дома в части, непокрытой средствами материнского (семейного) капитала.

При разделе общего имущества супругов определение доли жилого дома само по себе не влечет приобретение права собственности на долю земельного участка.

Н.И., действующая за себя и в интересах несовершеннолетних детей А.А., П.А., обратилась в суд с иском к А.И. о прекращении права собственности ответчика на жилой и на земельный участок, признании за нею и ответчиком по 5/12 доли в праве общей долевой собственности за каждым, за несовершеннолетними детьми А.А. и П.А. по 1/12 доли в праве общей долевой собственности за каждым на указанное недвижимое имущество.

Требования мотивированы тем, что брак, зарегистрированный между Н.И. и А.И. 18 сентября 2004 года, расторгнут решением мирового судьи от 5 марта 2019 года, место жительства несовершеннолетних детей определено с истцом. В период брака был возведен указанный жилой дом. Как указывает Н.И., на завершение строительства жилого дома были использованы средства материнского (семейного) капитала в размере 360 546 рублей 73 копеек, для получения которых ответчиком было оформлено нотариально удостоверенное обязательство от 10 мая 2012 года об оформлении жилого дома в общую долевую собственность с определением размера долей по соглашению на свое имя, на имя супруги, на имя детей в течение 6 месяцев после перечисления средств материнского капитала пенсионным органом, однако до настоящего времени данное обязательство ответчиком не исполнено. Право собственности на спорный жилой дом зарегистрировано за ответчиком. Исходя из кадастровой стоимости жилого дома, которая составляет 945 491 рубль 99 копеек, и средств материнского (семейного) капитала, использованных на его строительство, истец полагает, что доля двоих детей в этом доме пропорционально размеру средств материнского капитала составляет по 1/12 доле за каждым, а ее доля и доля ответчика - по 5/12 доли за каждым. Ссылаясь на положения статьи 273, 552

Гражданского кодекса Российской Федерации, истец просила также признать право собственности на земельный участок, на котором расположен жилой дом, пропорционально их долям в праве на жилой дом.

Заочным решением районного суда от 10 июня 2019 года исковые требования Н.И. удовлетворены в полном объеме.

Рассматривая дело в апелляционном порядке, судебная коллегия пришла к следующему.

В части 1 статьи 33 Семейного кодекса Российской Федерации определено понятие законного режима имущества супругов: законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. Законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное.

В соответствии со статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. Право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода.

В силу статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов.

В соответствии со статьей 39 Семейного кодекса Российской Федерации при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами.

Судом установлено, что брак, зарегистрированный 18 сентября 2004 года между А.И. и Н.И., расторгнут решением мирового судьи от 5 марта 2019 года. Указанным решением место жительства несовершеннолетних детей А.А., П.А. определено с матерью Н.И., с А.И. постановлено взыскать алименты на содержание детей.

Из выписки из Единого государственного реестра прав недвижимости усматривается, что 5 апреля 2012 года за ответчиком А.И. зарегистрировано право собственности на земельный участок.

В качестве документов - оснований для регистрации права на указанный земельный участок послужили договор дарения от 24 марта 2012 года, зарегистрированный 5 апреля 2012 года, и свидетельство о праве на наследство по закону от 22 сентября 2004 года.

Также судом установлено, что 22 сентября 2004 года нотариусом было выдано свидетельство о праве на наследство по закону на имущество отца ответчика, умершего 4 мая 2003 года, - вышеуказанный земельный участок.

24 марта 2012 года между И.И. (сестра ответчика) и А.И. был заключен договор дарения, по которому даритель И.И. передала в дар одаряемому А.И. ½ долю в праве общей долевой собственности на спорный земельный участок, принадлежащий ей на основании свидетельства о праве на наследство по закону от 13 января 2005 года.

3 мая 2012 года за ответчиком А.И. зарегистрировано право собственности на жилой дом.

Заявляя права на жилой дом и земельный участок, истец Н.И. указывает, что ответчик не выполнил обязательство по оформлению построенного с использованием средств материнского капитала жилого дома в общую долевую собственность истца и детей, что повлекло нарушение их прав.

Как следует из дела, 10 мая 2012 года Н.И. обратилась в пенсионный орган с заявлением о направлении денежных средства материнского капитала в размере 360 546 рублей 73 копеек на улучшение жилищных условий - компенсацию затрат, понесенных на строительство жилого дома.

В этот же день А.И. в связи с принятием решения о направлении денежных средств материнского капитала на компенсацию затрат, понесенных на строительство спорного жилого дома, оформил нотариальное удостоверяемое обязательство об оформлении жилого дома в общую долевую собственность с определением размера долей по соглашению на свое имя, на имя супруги, на имя детей в течение 6 месяцев после перечисления средств материнского капитала пенсионным органом.

Судом установлено, что 7 июня 2012 года Управлением Пенсионного фонда принято решение о направлении средств материнского капитала в сумме 360 546 рублей 73 копеек на улучшение жилищных условий – компенсацию затрат, понесенных на строительство вышеуказанного жилого дома, указанные средства перечислены на лицевой счет Н.И.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что затраты на строительство всего жилого дома были компенсированы средствами материнского капитала в связи с чем спорный жилой дом является общей собственностью родителей и детей, и с учетом подпункта 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации, пришел к выводу об удовлетворении иска в полном объеме.

Судебная коллегия не согласилась с выводами суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со статьями 38, 39 Семейного кодекса Российской Федерации разделу между супругами подлежит только общее имущество, нажитое ими во время брака. К нажитому во время брака имуществу (общему имуществу супругов) относятся, в том числе полученные каждым из них денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (пункт 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации).

Между тем, имея специальное целевое назначение, средства материнского (семейного) капитала не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между ними.

Порядок приобретения жилых помещений с использованием средств материнского (семейного) капитала регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Пунктом 1 части 1 статьи 10 указанного Федерального закона установлено, что средства (часть средств) материнского (семейного) капитала в соответствии с заявлением о распоряжении могут направляться на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели.

В соответствии с частью 4 статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с

использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Раздел жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала, без учета интересов детей, имеющих наряду с родителями право на такое жилое помещение, невозможен.

Таким образом, специально регулирующие соответствующие отношения Федеральным законом определен круг субъектов, в чью собственность поступает жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, и установлен вид собственности - общая долевая, возникающий у них на приобретенное жилье.

Исходя из положений указанных норм права, дети должны признаваться участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала.

Следовательно, приобретение жилого помещения с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала обязывает лиц, использующих данные средства, исполнить обязательство об оформлении имущественных прав членов семьи владельца сертификата, в том числе несовершеннолетних детей.

При этом, доли в праве собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, определяются исходя из равенства долей родителей и детей на средства материнского (семейного) капитала, а не на все средства, за счет которых было приобретено жилое помещение.

Денежные средства материнского (семейного) капитала, направленные на улучшение жилищных условий, не являются общим имуществом супругов, однако ведут к возникновению общей долевой собственности на жилое помещение.

Поскольку соглашение о размере долей в жилом доме в соответствии с пунктом 4 статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ между сторонами не достигнуто, в силу статьи 245 Гражданского кодекса Российской Федерации необходимо исходить из того, что каждый член семьи имеет равное право на улучшение жилищных условий за счет средств материнского (семейного) капитала, т.е. доли членов семьи являются равными только на средства материнского капитала.

Действующим законодательством в императивной форме не установлен обязательный размер доли несовершеннолетних детей и родителей в праве собственности на все жилое помещение, которое приобретается с использованием средств материнского (семейного) капитала. В том случае, когда жилое помещение приобретается исключительно только за средства материнского капитала, доли детей и родителей возможно признать равными.

Применительно к данному спору судебная коллегия исходит из того, что при установлении долей в спорном жилом помещении необходимо учитывать также источники денежных средств, направленных на строительство жилого дома в части, не покрытой средствами материнского (семейного) капитала.

Так, в ходе рассмотрения дела судом апелляционной инстанции ответчик утверждал, что стены и фундамент жилого дома являются его личной собственностью, поскольку были построены еще до заключения брака с истцом, и представил справку о стоимости строительных материалов, выданную ООО «Региональный центр профессиональной оценки и экспертизы» от 4 августа 2020 года, согласно которой по состоянию на 25 августа 2019 года стоимость строительных материалов, использованных при возведении спорного жилого дома, составляет 505 210 рублей, в том числе материалы на строительство фундамента в сумме 176 000 рублей.

Истец Н.И. не оспаривает факт наличия фундамента спорного жилого дома до заключения брака с ответчиком, при этом возражает против доводов стороны ответчика о

возведении стен спорного жилого дома ответчиком до заключения брака, указывая, что строительство дома было осуществлено сторонами в браке.

Согласно части 1 статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а в силу части 1 статьи 56 данного кодекса каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Между тем доказательств, отвечающих требованиям относимости и допустимости (статьи 59, 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), подтверждающих приобретение строительных материалов и строительство стен спорного жилого дома до заключения брака с истцом ответчиком суду не представлено.

Поскольку наличие фундамента до регистрации брака истцом не оспаривается, то суд апелляционной инстанции учитывает его стоимость (176 000 рублей) при определении размера долей сторон в праве общей собственности на жилой дом.

В материалах дела имеется справка о рыночной стоимости спорного жилого дома, согласно которой по состоянию на 26 августа 2019 года рыночная стоимость спорного жилого дома составляет 2 000 000 рублей.

Указанная стоимость истцом Н.И. не оспаривается.

Применительно к рассматриваемому спору, с учетом изложенных норм права и обстоятельств дела, судебная коллегия приводит следующий расчет.

Так, стоимость спорного жилого дома составляет 2 000 000 рублей, из которых стоимость фундамента составляет 176 000 рублей (9%), направленные на компенсацию затрат, понесенных на строительство жилого дома, средства материнского капитала составляют 360 546 рублей 73 копейки (18%), соответственно совместные средства супругов составляют 1 463 453 рубля 27 копеек.

Средства материнского капитала в сумме 360 546 рублей 73 копеек, в силу требований пункта 4 статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ, должны быть разделены на 4 (количество человек в семье) ($360\,546,73/4 = 90\,136,68$, что составляет 4,5% или $1/22$ доля от общей стоимости дома).

Следовательно, доли детей А.А., П.А., и родителей Н.И. и А.И. от доли в материнском капитале, в праве общей долевой собственности на жилой дом составят по $1/22$ доле за каждым.

Доля в праве общей долевой собственности истца Н.И. составит 41% или $9/22$ доли, исходя из следующего расчета ($1\,463\,453,27/2 + 90\,136,68 = 821\,863,13$ руб.; $821\,863,13 * 100 / 2\,000\,000 = 41\%$).

Доля в праве общей долевой собственности ответчика А.И. составит 50% или $1/2$ доли, исходя из следующего расчета:

$(1\,463\,453,27/2) + 90\,136,68 = 821\,863,13$ руб.; $821\,863,13 * 100 / 2\,000\,000 = 41\% + 9\%$ (176 000 руб. стоимость фундамента - личное имущество ответчика) = 50%.

Следовательно, общая долевая собственность, приходящаяся на членов семьи, соответствует по $1/22$ доле в праве общей долевой собственности на спорный жилой дом за несовершеннолетними А.А. и П.А., $9/22$ доли в праве общей долевой собственности на спорный жилой дом за истцом Н.И., и $1/2$ доля в праве общей долевой собственности на спорный жилой дом за ответчиком А.И.

Таким образом, суд первой инстанции, неправильно установив юридически значимые по делу обстоятельства, пришел к ошибочному выводу о равенстве долей супругов в спорном жилом доме.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» стоимость имущества, подлежащего разделу, определяется на время рассмотрения дела.

В силу изложенного стоимость имущества устанавливается с учетом его реальной цены не на момент приобретения, а на время рассмотрения дела в суде, исходя из обстоятельств дела и индивидуальных особенностей имущества и на день раздела имущества.

Поэтому доводы истца Н.И. о том, что для раздела и расчета долей в спорном жилом доме необходимо руководствоваться стоимостью имущества по состоянию на 2011 год нельзя признать состоятельными.

Что касается вывода суда о том, что в силу подпункта 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации истец и несовершеннолетние дети, являющиеся сособственниками жилого дома, вправе претендовать на получение земельного участка для содержания жилого дома, а реализация их права на землю возможна лишь за счет спорного земельного участка, принадлежащего ответчику, судебная коллегия отмечает следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 36 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью. Аналогичные разъяснения изложены в абзаце четвертом пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

Из приведенных выше положений следует, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения), не является общим имуществом супругов.

Как было указано выше, брак был зарегистрирован между сторонами 18 сентября 2004 года, право собственности на спорный земельный участок было зарегистрировано за ответчиком А.И. на основании свидетельства о праве на наследство по закону от 22 сентября 2004 года, а также договора дарения от 24 марта 2012 года.

Следовательно, спорный земельный участок является личной собственностью ответчика А.И.

Положения подпункта 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации, закрепляющие принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами, не могут являться самостоятельным основанием для бесплатной передачи в собственность доли земельного участка, соответствующей долям в жилом доме.

Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, обусловленное им правовое регулирование, как отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2019 года № 9-П, объективно предопределены тесной связью земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости. Вместе с тем указанное общее правило не исключает ситуаций, когда земельные участки принадлежат одним лицам, а расположенные на них объекты недвижимого имущества - другим. Возможность таких ситуаций, а также возникающие при этом взаимные права и обязанности собственников земельных участков и собственников зданий, сооружений регулируются действующим законодательством (пункты 3 и 5 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, статья 271 и пункт 3 статьи 552 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Таким образом, при определении долей в жилом доме, возведенном на общие средства супругов и с использованием средств материнского (семейного) капитала, истец не приобретает право собственности на земельный участок. В данном случае, при разделе общего имущества супругов определение доли жилого дома само по себе не влечет приобретение права собственности на долю земельного участка.

Ссылка истца Н.И. в исковом заявлении на положения статей 273, 552 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которым при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения переходит право собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, если иное не предусмотрено законом, не может служить основанием для признания права собственности на земельный участок в размере, пропорциональном доле в праве собственности на спорный жилой дом.

Указанные нормы права подлежат применению при волеизъявлении сторон, направленном на отчуждение здания, строения, сооружения без соответствующего земельного участка или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты принадлежат на праве собственности одному лицу.

Между тем, в рамках настоящего дела разрешается спор об изменении режима собственности нажитого в период брака имущества с совместной собственности на долевую.

Соответственно вывод суда первой инстанции о признании права собственности на земельный участок за истцом, ответчиком и их детьми пропорционально доле в праве собственности на спорный жилой дом, судебная коллегия также находит неправильным, основанным на ошибочном толковании норм материального права.

При изложенных обстоятельствах обжалуемое решение было отменено с принятием по делу нового решения о частичном удовлетворении исковых требований, путем признания за истцом Н.И. - 9/22 доли в праве общей долевой собственности на жилой дом, за ответчиком А.И. – 1/2 доли в праве общей долевой собственности на жилой дом, за несовершеннолетними детьми по 1/22 доле за каждым в праве общей долевой собственности на жилой дом, отказав в удовлетворении иска о прекращении права собственности А.И. на земельный участок и признании на него права общей долевой собственности.

*Апелляционное дело № 33-2090/2020
Чебоксарский районный суд Чувашской Республики*

3. Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда.

Потерпевший вправе требовать с причинителя вреда возмещения полной стоимости восстановительного ремонта транспортного средства независимо от того, что размер возмещения находится в пределах лимита ответственности страховщика.

А.Е. обратился в суд с иском к Л.М. о возмещении ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия, указывая, что Л.М. при управлении 21 декабря 2018 года автомобилем модели Skoda Octavia было совершено дорожно-транспортное происшествие, вследствие которого истцу был причинен ущерб в связи с повреждением принадлежащего ему на праве собственности автомобиля модели Kia ED (CEED).

Указывая на недостаточность страхового возмещения в размере 42 200 рублей, выплаченного СПАО «РЕСО-Гарантия», застраховавшим его гражданскую ответственность при управлении транспортным средством, в то время как фактически

понесенные на ремонт расходы составили 84 439 рублей, истец просил взыскать с ответчика материальный ущерб в размере 42 239 рублей.

При рассмотрении дела истец увеличил исковые требования в части возмещения материального ущерба и на основании результатов судебной экспертизы просил о его взыскании в размере 73 900 рублей.

Судом установлено, что 21 декабря 2018 года при управлении транспортным средством модели Skoda Octavia Л.М., нарушив правила дорожного движения, совершила столкновение с автомобилем модели Kia ED (CEED), под управлением А.Е., причинив тем самым истцу материальный ущерб.

Разрешая имущественные требования А.Е. к лицу, причинившему вред, гражданская ответственность которой при управлении транспортным средством была застрахована в СПАО «Ингосстрах», суд первой инстанции положил в основу решения заключение эксперта, согласно которому стоимость восстановительного ремонта транспортного средства модели Kia ED (CEED) без учета износа составляет 116 100 рублей, и пришёл к выводу о том, что причиненный потерпевшему вред находится в пределах ответственности страховщика потерпевшего, ограниченного страховой суммой в размере 400 000 рублей, предусмотренной статьей 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», и в этой связи отказал истцу в иске.

Как указал суд, надлежащим ответчиком по настоящему иску, находящемуся в зоне ответственности страховщика потерпевшего, является СПАО «РЕСО-Гарантия», однако истец отказался от замены ненадлежащего ответчика Л.М.

Рассматривая дело в апелляционном порядке, судебная коллегия исходила из следующего.

По правилам статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В соответствии с пунктом 3 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, возмещается на общих основаниях (статья 1064).

В соответствии со статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

Применение указанной выше нормы предполагает наличие как общих условий деликтной ответственности, таких как наличие вреда, противоправность действий причинителя вреда, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины деликвента, так и специальных условий ответственности, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий.

Суд пришел к выводу о том, что ответственность за причиненный потерпевшему вред не может быть возложена на ответчика.

Судебная коллегия с данным выводом не согласилась.

Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 10 марта 2017 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи

с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других» разъяснил, что к основным положениям гражданского законодательства относится и статья 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, позволяющая лицу, право которого нарушено, требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1). Обязательства, возникающие из причинения вреда (деликтные обязательства), включая вред, причиненный имуществу гражданина при эксплуатации транспортных средств другими лицами, регламентируются главой 59 данного Кодекса, закрепляющей в статье 1064 общее правило, согласно которому в этих случаях вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1). В развитие приведенных положений Гражданского кодекса Российской Федерации его статья 1072 предусматривает необходимость возмещения потерпевшему разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба в случае, когда гражданская ответственность владельца транспортного средства была застрахована и страхового возмещения недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред.

Как подчеркнул Конституционный суд Российской Федерации в указанном постановлении от 10 марта 2017 года № 6-П, приведенные правовые позиции, из которых следует, что институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, введенный в действующее законодательство с целью повышения уровня защиты прав потерпевших при причинении им вреда при использовании транспортных средств иными лицами, не может подменять собой институт деликтных обязательств, регламентируемый главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, и не может приводить к снижению размера возмещения вреда, на которое вправе рассчитывать потерпевший на основании общих положений гражданского законодательства, получили свое развитие в последующих решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Согласно обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015), утвержденному Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 года, размер подлежащего выплате потерпевшему страховщиком или причинителем вреда ущерба начиная с 17 октября 2014 года определяется только в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Центральным банком Российской Федерации 19 сентября 2014 года № 432-П.

Таким образом, потерпевший вправе требовать со страховой компании, являющейся страховщиком по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, выплаты страхового возмещения в пределах сумм, предусмотренных статьей 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», но определенной только на основании Единой методики, что, однако, не освобождает деликвента от полного возмещения потерпевшему имущественного вреда, в случае недостаточности страхового возмещения для восстановления автомобиля.

Как разъяснил Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 10 марта 2017 года № 6-П, применительно к случаю причинения вреда транспортному средству это означает, что в результате возмещения убытков в полном размере потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы его право собственности не было нарушено, то есть ему должны быть возмещены расходы на полное восстановление эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства, которое в большинстве случаев сводится к их замене на новые детали, узлы и агрегаты.

Таким образом, вывод суда о том, что применительно к настоящему делу, вред в полном объеме должен быть возмещен посредством выплаты страхового возмещения, не основан на фактических обстоятельствах дела и нормах права, подлежащих применению.

Доказательств недостаточности выплаты в порядке прямого урегулирования убытка страхового возмещения в соответствии с установленным законом механизмом его определения при рассмотрении дела не добыто.

Требования истца к ответчику основаны на деликтных правоотношениях.

Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения; размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества (пункт 13).

Применительно к настоящему делу, истцом в окончательной редакции иска заявлено требование о возмещении расходов на восстановительный ремонт поврежденного автомобиля без учета износа в размере, определенном заключением эксперта, составляющем 116 100 рублей.

Между тем, истцом при обращении в суд с иском были представлены документы о приобретении 19 февраля 2019 года у ИП Е.А. по товарной накладной товара на сумму 67 220 рублей и выполнении по его обращению 11 мая 2019 года ООО «ТрансТехСервис-21» ремонта автомобиля и оплате услуг на сумму 16 619 рублей.

Объем и характер оказанных работ соответствует повреждениям, причиненным в результате повреждения автомобиля в результате дорожно-транспортного происшествия от 21 декабря 2018 года и зафиксированным в проведенных по обращению страховщика ООО Кар-ЭКС актах осмотра автомобиля от 21 декабря 2018 года, 22 января 2019 года.

Таким образом, в материалах дела имеются представленные истцом доказательства, из которых следует, что в соответствии с примененным способом исправления повреждения автомобиля путем его ремонта, истцом были понесены расходы на общую сумму 83 839 рублей, при этом страховой компанией выплачено страховое возмещение в размере 42 200 рублей, следовательно, размер подлежащих взысканию с ответчика убытков, как разницы между фактическим размером ущерба и выплаченным страховым возмещением, составляет 42 239 рублей.

При таких обстоятельствах судебная коллегия отменила решение суда, удовлетворив требования истца в сумме 42 239 рублей.

*Апелляционное дело № 33-2795/2020
Чебоксарский районный суд Чувашской Республики*

Положения статей 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ не могут выступать в качестве основания для отказа в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицу, в отношении которого дело было прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ (отсутствие состава административного правонарушения), со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц.

Наличие вреда и его размер доказываются истцом, а правомерность деяния причинителя вреда и отсутствие вины доказываются ответчиком.

Д.В. обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании убытков и компенсации морального вреда, причиненных вследствие незаконного привлечения к административной ответственности.

Иск мотивирован тем, что 27 февраля 2019 года инспектором ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России в отношении Д.В. был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 12.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В последующем постановлением инспектора ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России от 20 марта 2019 года Д.В. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 12.14 КоАП РФ с назначением наказания в виде административного штрафа в размере 500 рублей. Решением судьи районного суда от 14 мая 2019 года указанное постановление оставлено без изменения. Постановлением заместителя председателя Верховного Суда республики от 26 июля 2019 года указанное решение судьи районного суда отменено, дело направлено на новое рассмотрение. Впоследствии решением районного суда от 30 августа 2019 года, оставленным без изменения решением судьи Верховного Суда республики, постановление инспектора ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России от 20 марта 2019 года о привлечении Д.В. к административной ответственности отменено, производство по делу прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава административного правонарушения.

В связи с незаконным привлечением к административной ответственности истцу причинен моральный вред, который он оценивает в 25 000 рублей, а также убытки в виде расходов на оплату юридических услуг, связанных с рассмотрением дела об административном правонарушении, в общей сумме 29 000 рублей, расходов на оплату услуг специалиста, составившего акт экспертного исследования по факту ДТП, в размере 17 000 рублей.

Решением районного суда от 18 июня 2020 года в удовлетворении исковых требований Д.В. отказано.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции исходил из того, что в данном случае действия сотрудников дорожно-патрульной службы в процессе производства по делу об административном правонарушении в отношении истца в установленном порядке незаконными не признаны, а прекращение производства по делу само по себе не свидетельствует о незаконности действий должностных лиц, в связи с чем пришел к выводу об отсутствии оснований как для взыскания компенсации морального вреда, так и убытков в виде расходов на оплату услуг защитника и эксперта, связанных с рассмотрением дела об административном правонарушении.

Между тем судом первой инстанции не было учтено следующее.

Пунктом 1 статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В силу статьи 16 ГК РФ убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

В пункте 1 статьи 1070 ГК РФ приведены случаи возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, независимо от вины причинителя вреда.

В остальных случаях вред, причиненный в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены статьей 1069 ГК РФ.

На основании статьи 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В соответствии со статьей 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случае, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу (абзац третий статьи 1100 ГК РФ).

Частями 1 и 2 статьи 25.5 КоАП РФ предусмотрено, что для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в производстве по делу об административном правонарушении может участвовать защитник, а для оказания юридической помощи потерпевшему - представитель. В качестве защитника или представителя к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается адвокат или иное лицо.

Как разъяснено в абзаце четвертом пункта 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении. Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании статей 15, 1069, 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счет средств соответствующей казны (казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации).

Вопрос о возмещении расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, и компенсации морального вреда лицу, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием события (состава) административного правонарушения или ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение (пункты 1 и 2 части 1 статьи 24.5, пункт 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ), был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 15 июля 2020 года № 36-П по делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 ГК РФ, статьи 61 ГПК РФ, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 КоАП РФ, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан Р.А. Логинова и Р.Н. Шарафутдинова.

В данном постановлении Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что положения статей 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ в системе действующего правового регулирования не могут выступать в качестве основания для отказа в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) государственных органов или их должностных лиц или наличия вины должностных лиц в незаконном административном преследовании. Иное приводило бы к нарушению баланса частных и публичных интересов, принципа справедливости при привлечении граждан к публичной юридической ответственности и противоречило бы статьям 2, 17, 19, 45, 46 и 53 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, в соответствии с правовой позицией, изложенной в названном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, статьи 15, 16 и 1069 ГК РФ не позволяют отказывать в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицу, в отношении которого дело было прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ (отсутствие состава административного правонарушения), со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц.

При этом предусмотренная действующим законодательством в связи с возмещением морального вреда такому лицу необходимость установления виновности должностных лиц органов государственной власти в совершении незаконных действий (бездействия) признана соответствующей Конституции Российской Федерации. В системе действующего правового регулирования компенсация морального вреда может иметь место независимо от вины причинивших его должностных лиц во всяком случае, когда к гражданину было незаконно применено административное наказание в виде административного ареста либо он незаконно был подвергнут административному задержанию на срок не более 48 часов в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест.

Отказывая в удовлетворении требования о взыскании убытков по мотивам недоказанности истцом вины (как в форме умысла либо неосторожности) должностных лиц – инспекторов дорожно-патрульной службы и незаконности их действий при составлении процессуальных документов, судом первой инстанции не были учтены приведенные выше положения закона, руководящие разъяснения и правовая позиция высших судов.

Кроме того, судом не учтено, что по общему правилу наличие вреда и его размер доказываются истцом, а правомерность деяния причинителя вреда и отсутствие вины доказываются ответчиком.

Так, положение пункта 2 статьи 1064 ГК РФ, закрепляющее в рамках общих оснований ответственности за причинение вреда презумпцию вины причинителя вреда и возлагающее на него бремя доказывания своей невиновности, освобождает лицо, привлекавшееся к административной ответственности, от доказывания виновности должностных лиц. Но государственные органы и их должностные лица, привлеченные в качестве ответчика в гражданско-правовой судебной процедуре по поводу возмещения вреда, не лишены возможности привести доказательства, подтверждающие их невиновность при осуществлении незаконного административного преследования. Прекращение административного преследования по реабилитирующим основаниям не

предрешает вопроса о вине осуществлявших административное преследование должностных лиц.

Поскольку постановление инспектора ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России от 20 марта 2019 года о привлечении Д.В. к административной ответственности было отменено вступившим в законную силу решением районного суда от 30 августа 2019 года (в котором суд констатировал отсутствие в действиях истца состава вмененного административного правонарушения и в связи с этим прекратил производство по делу об административном правонарушении на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ), требования истца о возмещении убытков, понесенных им в связи с рассмотрением дела об административном правонарушении, являлись обоснованными и подлежали удовлетворению при условии доказанности их несения и с учетом требований соразмерности этих расходов объему оказанных услуг.

Также истцом заявлено требование о возмещении убытков в виде расходов на оплату юридических услуг в общей сумме 29 000 рублей, в том числе расходов на оплату услуг защитника в размере 1 000 рублей за представление интересов истца в ОБ ДПС ГИБДД УМВД РФ при рассмотрении материала по делу об административном правонарушении, по итогам которого инспектором ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России вынесено постановление от 20 марта 2019 года о привлечении Д.В. к административной ответственности по части 3 статьи 12.14 КоАП РФ.

В подтверждение несения данных расходов истцом представлено соглашение по оказанию юридической помощи от 1 марта 2019 года, заключенное между Д.В. и адвокатом В.М., согласно которому последний обязался представлять интересы истца в ОБ ДПС ГИБДД УМВД РФ по делу об административном правонарушении, стоимость услуг сторонами определена в размере 1 000 рублей, которая оплачена истцом по квитанции от 6 марта 2019 года.

Между тем, в материалах дела, равно как и в материалах дела № 12-793/2019 по жалобе Д.В. на постановление инспектора ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России от 20 марта 2019 года, отсутствуют какие-либо сведения, указывающие на фактическое оказание истцу названных услуг. Так, в процессуальном документе, принятом по итогам рассмотрения материала инспектором дорожно-патрульной службы, участие защитника не указано, факт оказания услуг иными доказательствами не подтвержден.

В силу положений статьи 56 ГПК РФ истец, заявляющий о взыскании расходов на оплату услуг защитника, должен доказать не только факт их несения, но и связь между понесенными им расходами и делом, рассматриваемым с его участием.

Поскольку факт реального оказания услуг в рамках соглашения от 1 марта 2019 года по указанному выше делу об административном правонарушении истцом не доказан, оснований для взыскания в его пользу 1 000 рублей в счет возмещения указанных расходов не имелось.

В составе убытков истец также просил взыскать понесенные им расходы на оплату услуг специалиста по составлению акта экспертного исследования по факту ДТП, в размере 17 000 рублей. Поскольку указанные расходы не являлись необходимыми и не были положены судом в основу решения, которым было отменено постановление инспектора ДПС ОБ ДСП ГИБДД УМВД России от 20 марта 2019 года о привлечении Д.В. к административной ответственности и прекращено производство по делу в связи с отсутствием в его действиях состава административного правонарушения, оснований для их взыскания с ответной стороны вопреки доводам апелляционной жалобы не имелось.

Кроме того, истец просил взыскать с ответной стороны убытки в виде расходов на оплату услуг защитника А.М. в связи с рассмотрением дела об административном правонарушении в судах.

Судом установлено, что согласно квитанциям от 26 марта 2019 года, 26 августа 2019 года и 1 октября 2019 года адвокатом А.М. получено от Д.В. по соглашению об

оказании юридической помощи от 26 марта 2019 года 15 000 рублей, 8 000 рублей и 5 000 рублей соответственно.

При таких обстоятельствах, вывод суда об отказе во взыскании убытков, понесенных истцом в связи с оплатой услуг защитника А.М., оказавшего ему юридическую помощь по делу об административном правонарушении, является не правильным.

Учитывая конкретные обстоятельства дела об административном правонарушении, фактический объем оказанных указанным защитником услуг по этому делу (участие в трех судебных заседаниях, два из которых в районном суде, одно – в Верховном Суде Чувашской Республики, составление двух жалоб), оценив соразмерность вознаграждения исполнителя содержанию и объему оказанных услуг, судебная коллегия сочла необходимым взыскать в пользу истца убытки в размере 15 000 рублей.

Принимая во внимание, что надлежащим ответчиком по данному требованию является Министерство внутренних дел Российской Федерации как главный распорядитель бюджетных средств по ведомственной принадлежности, указанная сумма убытков подлежит взысканию с Российской Федерации в лице Министерства внутренних дел Российской Федерации за счет казны Российской Федерации.

С учетом изложенного решение суда в части отказа во взыскании убытков отменено с принятием в указанной части нового решения о частичном удовлетворении данного требования.

С выводом суда первой инстанции об отказе во взыскании компенсации морального вреда судебная коллегия согласилась, поскольку факт прекращения производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием в действиях истца состава административного правонарушения не является безусловным основанием для взыскания с ответной стороны денежной компенсации морального вреда.

Для применения такой меры ответственности как компенсация морального вреда юридически значимыми и подлежащими доказыванию являются обстоятельства, связанные с тем, что истец перенес физические и нравственные страдания в связи с нарушением его личных неимущественных прав или посягательством причинителя вреда на принадлежащие ему нематериальные блага.

В абзаце втором пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» разъяснено, что суду следует устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

По смыслу приведенных выше нормативных положений гражданского законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, необходимыми условиями для возложения обязанности по возмещению компенсации морального вреда являются: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда.

При этом бремя представления доказательств, подтверждающих факт причинения вреда (в данном случае физических и нравственных страданий), наличие причинно-следственной связи между наступлением вреда и противоправными действиями ответчика, возлагается на истца.

Вместе с тем, материалы дела не содержат надлежащих и достаточных доказательств причинения истцу нравственных и физических страданий действиями ответчика, посягающими на принадлежащие истцу нематериальные блага.

В данном случае административная ответственность заключалась в виде административного штрафа, производство по делу об административном правонарушении в отношении истца прекращено, права истца восстановлены.

Поскольку совокупность обстоятельств, необходимых для возложения на ответчика ответственности по возмещению компенсации морального вреда отсутствует, оснований для отмены обжалуемого решения в указанной части по доводам апелляционной жалобы не имелись.

*Апелляционное дело № 33-3152/2020
Ленинский районный суд г. Чебоксары*

4. Процессуальные вопросы.

Требования о взыскании компенсации морального вреда в связи с нарушениями, допущенными в ходе уголовного судопроизводства, рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства.

Р.Н. обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, мотивировав эти требования следующими обстоятельствами. Приговором суда от 02 марта 2007 года он осужден за совершение преступлений, предусмотренных, в том числе, частью 3 статьи 30, пунктом «г» части 2 статьи 161 Уголовного кодекса РФ. При этом суд исключил из обвинения часть 2 статьи 325 УК РФ, однако, не признал в связи с этим за ним права на реабилитацию, чем нарушил его права. Кроме того, в ходе рассмотрения уголовного дела по его ходатайству был допущен адвокат для участия в деле с целью защиты его прав. Однако, при этом срок для ознакомления адвоката с материалами уголовного дела судом не был назначен, защитник об этом не просил, следовательно, участвовал в рассмотрении дела без подготовки и ознакомления с материалами уголовного дела. По мнению Р.Н., указанным фактом также было нарушено его право на защиту. В связи с изложенным, он просил суд взыскать с казны Российской Федерации компенсацию морального вреда в сумме 9900 рублей.

Определением суда от 12 марта 2020 года Р.Н. отказано в принятии требования о компенсации морального вреда в связи с нарушением его права на защиту со ссылкой на положения пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ. По мнению судьи, такое заявление подлежит рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства, поскольку проверка соблюдения судом норм уголовно-процессуального законодательства осуществляется путем обжалования приговора по нормам, установленным уголовно-процессуальным законодательством.

С данным выводом суд апелляционной инстанции не согласился, исходя из следующего.

В соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 134 ГПК РФ судья отказывает в принятии искового заявления, в том числе, в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 года № 1626-О, в силу присущего гражданскому судопроизводству принципа диспозитивности только истец определяет к кому предъявлять иск (пункт 3 части второй статьи 131 ГПК РФ) и в каком объеме требовать от суда защиты (часть третья статьи 196 ГПК РФ).

В исковом требовании о взыскании компенсации морального вреда в связи с нарушением права на защиту в виде допуска к участию в деле адвоката, не ознакомившегося с материалами уголовного дела, Р.Н. не просит об изменении приговора суда или иного процессуального акта, принятого по делу. Он указывает на нарушение, допущенное, по его мнению, в ходе уголовного судопроизводства, в связи с чем просит

компенсировать причиненный ему этим нарушением вред, ссылаясь на положения статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации. При таком положении вывод судьи о том, что иск о компенсации морального вреда должен быть разрешен в порядке уголовного судопроизводства, является неверным, противоречит нормам гражданского и уголовного процессуального законодательства.

Согласно положениям статьи 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом. Вред, причиненный гражданину в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены статьей 1069 настоящего Кодекса. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

В силу пункта 3 статьи 31 ГПК РФ гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, если он не был предъявлен или не был разрешен при производстве уголовного дела, предъявляется для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства по правилам подсудности, установленным настоящим Кодексом.

При таких обстоятельствах, по указанному судьей основанию в принятии к производству суда требования о компенсации морального вреда в связи с нарушением права на защиту не могло быть отказано. В связи с этим суд апелляционной инстанции отменил определение районного судьи, направив материалы искового производства в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии искового требования о компенсации морального вреда к производству.

*Апелляционное дело № 33-1934/2020
Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики*

Административное исковое заявление к органу государственной власти, иному государственному органу, органу местного самоуправления, избирательной комиссии, комиссии референдума, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, подается в суд по месту их нахождения, к должностному лицу, государственному или муниципальному служащему - по месту нахождения органа, в котором указанные лица исполняют свои обязанности.

Ю.Г. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным и отмене решения муниципальной избирательной комиссии г. Чебоксары от 11 августа 2020 года об отказе в регистрации его в качестве кандидата в депутаты Чебоксарского городского Собрания депутатов и просил обязать избирательную комиссию зарегистрировать его в качестве кандидата в депутаты.

Определением судьи Ленинского районного суда г. Чебоксары от 25 августа 2020 года административное исковое заявление возвращено административному истцу ввиду неподсудности иска Ленинскому районному суду г. Чебоксары.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необоснованности обжалованного определения, ввиду несоответствия выводов судьи нормам процессуального права.

Согласно статье 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

По общему правилу подсудность дел о защите избирательных прав зависит от уровня избирательных комиссий, комиссий референдума, должностных лиц и органов, решения или действия (бездействие) которых подлежат судебной проверке.

Согласно пункту 1 статьи 25 Федерального закона от 12 июня 2002 года (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных права и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» окружные избирательные комиссии формируются в случаях, предусмотренных законом, при проведении выборов по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам. Полномочия окружных избирательных комиссий могут возлагаться на иные избирательные комиссии.

Положениями части 1 статьи 14 Закона ЧР от 25 ноября 2003 года № 41 (ред. от 26.05.2020) «О выборах в органы местного самоуправления в Чувашской Республике» предусмотрено, что окружные избирательные комиссии формируются для проведения выборов депутатов представительных органов муниципального образования по одномандатным избирательным округам. Полномочия окружных избирательных комиссий могут возлагаться на иные избирательные комиссии.

Решением муниципальной избирательной комиссии города Чебоксары от 29 июня 2020 года полномочия окружной избирательной комиссии по выборам депутатов Чебоксарского городского Собрания депутатов возложены на муниципальную избирательную комиссию города Чебоксары.

Возвращая административное исковое заявление Ю.Г. за неподсудностью спора Ленинскому районному суду г. Чебоксары, судья сослался на положения пункта 2 статьи 22 КАС РФ, согласно которой в случае, если место нахождения органа государственной власти, иного государственного органа, органа местного самоуправления, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, не совпадает с территорией, на которую распространяются их полномочия или на которой исполняет свои обязанности должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, административное исковое заявление подается в суд того района, на территорию которого распространяются полномочия указанных органов, организации или на территории которого исполняет свои обязанности соответствующее должностное лицо, государственный или муниципальный служащий.

Поскольку Ю.Г. заявлено требование о признании незаконным и отмене решения муниципальной избирательной комиссии г. Чебоксары от 11 августа 2020 года об отказе в регистрации кандидата в депутаты Чебоксарского городского Собрания депутатов, который расположен в пределах границ Московского района г. Чебоксары, то, как указал судья первой инстанции, административное исковое заявление подсудно Московскому районному суду, где находится избирательный округ, по которому в регистрации кандидату было отказано.

Между тем судьей не учтено следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 22 КАС РФ административное исковое заявление к органу государственной власти, иному государственному органу, органу местного самоуправления, избирательной комиссии, комиссии референдума, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, подается в суд по месту их нахождения, к должностному лицу, государственному или муниципальному служащему - по месту нахождения органа, в котором указанные лица исполняют свои обязанности.

Указанное общее правило подсудности истцом соблюдено.

Поскольку муниципальная избирательная комиссия, решение которой оспаривается, расположена в Ленинском районе города Чебоксары, истец правомерно обратился в суд с административным иском по месту нахождения комиссии.

Ссылки судьи первой инстанции на пункт 2 статьи 22 КАС РФ основаны на неверном толковании норм процессуального права.

Во-первых, как видно из диспозиции пункта 1 статьи 22 КАС РФ, иски об оспаривании решений избирательной комиссии подаются по месту ее нахождения.

Во втором же пункте данной статьи, предусматривающей исключение из общего правила подсудности, в отличие от первого пункта избирательная комиссия не названа в числе ответчиков, к которым могут быть применены правила пункта 2 статьи 22 КАС РФ.

Таким образом, законодатель не предусмотрел для оспаривания решения избирательной комиссии исключения из общего правила подсудности.

Во-вторых, правила пункта 2 статьи 22 КАС РФ применяются лишь в том случае, если (как буквально указано в пункте 2 статьи 22 КАС РФ) место нахождения перечисленных в пункте административных ответчиков не совпадает с территорией, на которую распространяются их полномочия.

Муниципальная избирательная комиссия г. Чебоксары распространяет свои полномочия на город Чебоксары и место ее нахождения также является город Чебоксары, поэтому нельзя вести речь о несовпадении места нахождения и полномочий комиссии.

Ссылки судьи первой инстанции на положения пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда от 31 марта 2011 года № 5 «О практике рассмотрения судом дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» являются ошибочными.

В указанном пункте постановления разъяснено, что в тех случаях, когда полномочия одних избирательных комиссий, комиссий референдума возлагаются на другие избирательные комиссии, комиссии референдума (например, полномочия окружных избирательных комиссий по выборам в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации - на территориальные избирательные комиссии на основании пункта 1 статьи 25 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ), подсудность дела следует определять с учетом уровня комиссии, полномочия которой возложены на другую избирательную комиссию, комиссию референдума.

Между тем в данном случае эти разъяснения неприменимы, поскольку полномочия муниципальной избирательной комиссии не возлагались ни на какую другую комиссию иного уровня.

Таким образом, определение судьи первой инстанции подлежит отмене, а исковый материал – возврату в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии иска к производству суда.

*Апелляционное дело № 33а-3396/2020
Ленинский районный суд г. Чебоксары*

Требование о возмещении вреда, обоснованное нарушением сотрудниками отдела полиции как имущественных, так и неимущественных прав, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

А.Ю. обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации в лице Управления Федерального казначейства, отделу полиции о взыскании компенсации морального вреда в размере 500 000 рублей, материального ущерба в виде стоимости колес в размере 14 000 рублей с каждого ответчика, мотивировав тем, что в августе 2019 года с автомобиля его матери сотрудником полиции были сняты колеса и переданы третьему лицу. Его ходатайства о допросе свидетелей не были рассмотрены, чем ему причинен моральный вред, выразившийся в нравственных страданиях, и материальный ущерб в виде стоимости утраченных колес.

Определением судьи районного суда от 15 июня 2020 года в принятии искового заявления А.Ю. к Министерству финансов Российской Федерации, отделу полиции к производству отказано согласно пункту 1 части 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Суд апелляционной инстанции приходит к следующему.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление подлежит рассмотрению в порядке конституционного или уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях либо не подлежит рассмотрению в судах; заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым настоящим Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право; в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

Отказывая в принятии иска А.Ю., судья исходил из того, что обжалуемые заявителем действия (бездействие) касаются нарушения процессуальных прав, допущенных в рамках уголовного дела, в связи с чем его исковые требования, обоснованные незаконностью действий (бездействия) должностных лиц органов внутренних дел в ходе досудебного производства по уголовному делу, не подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

С выводом судьи об отказе в принятии к производству искового заявления суд апелляционной инстанции не согласился.

Как следует из искового заявления, А.Ю. просит взыскать материальный ущерб и компенсацию морального вреда, причиненных в результате ненадлежащего разрешения должностным лицом отдела полиции его ходатайств и утратой колес.

Согласно пункту 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены статьей 1069 настоящего Кодекса. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

В силу статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Таким образом, требование о возмещении вреда, обоснованное истцом нарушением сотрудниками отдела полиции как имущественных, так и неимущественных прав, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Ссылки судьи на положения главы 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации состоятельными признаны быть не могут, поскольку, исходя из приведенных в иске оснований и предмета иска, оснований считать, что истцом обжалуются действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, нет.

Соответственно, оснований для отказа в принятии иска к производству суда по приведенному в определении основанию не имелось.

*Апелляционное дело № 33-2876/2020
Московский районный суд г. Чебоксары*

В приказном производстве не допускается истребование дополнительных документов, привлечение к участию в деле третьих лиц, вызов свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков и т.д.

Администрация города обратилась в суд с исковым заявлением к Д.В. о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка.

Определением судьи районного суда исковое заявление возвращено на основании пункта 1.1 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Обжалуемое определение было отменено по следующим основаниям.

Согласно части 1 статьи 121 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судебный приказ - судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 названного Кодекса, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятьсот тысяч рублей.

Как следует из абзаца третьего статьи 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, судебный приказ выдается, если требование основано на сделке, совершенной в простой письменной форме.

В пункте 1 части 1 статьи 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела о выдаче судебного приказа.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве», требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными. Бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые должником.

В соответствии с пунктом 1.1 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судья возвращает исковое заявление в случае, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

Возвращая исковое заявление, судья исходил из того, что требования администрации города о взыскании с Д.В. задолженности по договору аренды земельного участка подлежат рассмотрению в порядке приказного производства, поскольку они основаны на сделке, совершенной в простой письменной форме, заявленная ко взысканию сумма не превышает 500 000 рублей, взыскание пени в порядке приказного производства прямо предусмотрено законом, и из представленных материалов нельзя сделать вывод о наличии спора между сторонами договора, а право должника на оспаривание такого договора, применимых коэффициентов, кадастровой стоимости земельного участка также не свидетельствует о наличии такого спора, в связи с чем, как посчитал судья, на основании части 1 статьи 121, части 3 статьи 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

Между тем с такими выводами апелляционная инстанция не согласилась.

В силу пункта 4 части 1 статьи 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судья при подготовке дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора.

Согласно части 1 статьи 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно

предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон.

В абзаце 2 пункта 24 постановления № 62 указано, что в приказном производстве не допускается истребование дополнительных документов, привлечение к участию в деле третьих лиц, вызов свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков и т.д.

Как усматривается из искового заявления, задолженность по договору аренды земельного участка администрация города просит взыскать в пользу муниципального казенного учреждения «Земельное управление» города, которое указано в исковом заявлении в качестве третьего лица.

В данной ситуации участие в деле указанного третьего лица является обязательным в силу части 1 статьи 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Это обстоятельство исключает возможность рассмотрения заявления в порядке приказного производства.

Следовательно, исковое заявление не могло быть возвращено судьей по тем основаниям, что оно подлежит рассмотрению в порядке приказного производства.

*Апелляционное дело № 33-2523/2020
Московский районный суд г. Чебоксары*

Суд не вправе произвести замену стороны исполнительного производства, если решение суда стороной уже исполнено.

Заочным решением районного суда постановлено:

взыскать с С.П., Ф.Е, А.С. в пользу кредитного потребительского кооператива граждан «Агрокредит» в солидарном порядке задолженность в сумме 109 400 рублей и обратить взыскание на заложенное имущество.

11 марта 2020 года некоммерческий потребительский кооператив «Юлташ» обратился в суд с заявлением о замене по данному делу взыскателя – некоммерческого кредитного кооператива «Агрокредит» его правопреемником - НПК «Юлташ», указав, что 2 декабря 2019 года на основании листа записи ЕГРЮЛ НПК «Агрокредит» прекратил свою деятельность путем реорганизации в форме присоединения к НПК «Юлташ».

Определением районного суда от 15 апреля 2020 года произведена замена взыскателя с НПК «Агрокредит» на НПК «Юлташ» в исполнительном производстве по исполнению заочного решения районного суда по гражданскому делу по иску кредитного потребительского кооператива граждан «Агрокредит» к С.П., Ф.Е. и А.С. о взыскании задолженности по договору займа и обращении взыскания на заложенное имущество.

Проверив обжалуемое определение, суд апелляционной инстанции констатирует следующее.

Удовлетворяя требования НПК «Юлташ» о замене взыскателя, суд первой инстанции исходил из того, что правоотношения между сторонами по делу допускают замену стороны правопреемником.

Вместе с тем судом не учтено следующее.

Согласно части 1 статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в случае выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны правопреемником. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства.

На основании части 1 статьи 52 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в случае выбытия одной из сторон исполнительного производства (смерть гражданина реорганизация организации, уступка

права требования, перевод долга) судебный пристав-исполнитель производит замену этой стороны исполнительного производства ее правопреемником.

В силу приведенных правовых норм в случае выбытия взыскателя или должника в исполнительном производстве, возбужденном на основании выданного судом исполнительного документа (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в правоотношениях), вопрос о правопреемстве подлежит разрешению судом.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в пункте 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», осуществляя процессуальное правопреемство на стадии исполнения судебного акта, суд производит замену cedenta цессионарием по заявлению или с согласия последнего в той части, в которой судебный акт не исполнен. Если истек срок для предъявления исполнительного листа к исполнению, суд производит замену только в случае восстановления срока на предъявление исполнительного листа к исполнению.

Таким образом, вопрос о возможности процессуальной замены стороны (взыскателя) по делу ее правопреемником в целях дальнейшего принудительного исполнения решения суда зависит от наличия или утраты возможности такого принудительного исполнения.

Для замены cedenta цессионарием необходимо наличие самого долга.

Из приведенных норм материального закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению следует, что при разрешении требования о правопреемстве суду следует установить: состоялась ли уступка, ее объем, предъявлен ли исполнительный лист к взысканию, возбуждено ли исполнительное производство (окончено, прекращено), не истек ли срок для предъявления исполнительного листа к исполнению, наличие долга (его размер).

Судом первой инстанции данные обстоятельства не устанавливались. Таким образом, юридически значимые обстоятельства установлены судом первой инстанции неверно, что дает основания суду апелляционной инстанции истребовать новые доказательства с учетом доводов и возражений сторон.

Судом апелляционной инстанции установлено, что постановлением судебного пристава-исполнителя, исполнительное производство от 6 декабря 2010 года в отношении должника Ф.Е. в пользу КПКГ «Агрокредит» окончено фактическим исполнением.

В силу статьи 384 Гражданского кодекса Российской Федерации для правопреемника все действия, совершенные до его вступления в исполнительное производство, обязательны в той мере, в какой они были обязательны для стороны исполнительного производства, которую правопреемник заменил.

Поскольку заочное решение районного суда от 10 сентября 2010 года исполнено, гражданское судопроизводство считается окончанным, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии у суда первой инстанции предусмотренных законом оснований для замены стороны исполнительного производства и удовлетворения заявления НПК «Юлташ» о процессуальном правопреемстве.

*Апелляционное дело № 33-2274/2020
Московский районный суд г. Чебоксары*

Заявление о признании гражданина недееспособным подлежит рассмотрению в порядке главы 31 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Члены семьи вправе подать заявление о признании недееспособным одного из проживающих совместно с ним лиц.

А.В. обратилась в суд с заявлением о признании своей бабушки А.Ф. недееспособной.

21 июля 2010 года определением отказано в принятии заявления по основанию пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ.

Отказывая в принятии заявления, судья в мотивировочной части указал на положение пункта 2 части 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса, который предусматривает отказ в принятии искового заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке.

Вместе с тем определение вынесено со ссылкой на нормы статьи 135 ГПК РФ, предусматривающие возвращение искового заявления в случаях предусмотренных данной нормой.

В соответствии с положениями пункта 1 части 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление подлежит рассмотрению в порядке конституционного или уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях либо не подлежит рассмотрению в судах; заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым настоящим Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право; в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

Перечень случаев, изложенных в пункте 1 части 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Действующее процессуальное законодательство предусматривает судопроизводство: гражданское (ГПК РФ), арбитражное (АПК РФ), уголовное (УПК РФ), административное (КАС РФ); таким образом, отказ в принятии заявления А.В. по основаниям пункта 1 части 1 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации возможен только в случае, если поданное заявление подлежит рассмотрению в порядке иного судопроизводства - арбитражного, уголовного или административного.

Заявление о признании гражданина недееспособным подлежит рассмотрению в порядке главы 31 Гражданского процессуального кодекса РФ.

В силу части 2 статьи 281 Гражданского процессуального кодекса РФ дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарного учреждения социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Отказ в принятии заявления судья также мотивировала тем, что заявитель А.В. ни к членам семьи, ни к числу близких родственников А.Ф. не относится, следовательно не входит в круг лиц, по заявлению которых может быть возбуждено гражданское дело о признании гражданина недееспособным.

Между тем из текста заявления и приложенных к иску документов усматривается, что А.В. является внучкой А.В. При этом она зарегистрирована и проживает с А.В. по одному адресу.

При данных обстоятельствах суд первой инстанции безосновательно отказал А.В. в приеме заявления со ссылкой на то, что заявитель членом семьи А.Ф. не является, к числу близких родственников, наделенных правом на предъявление указанного заявления, не относится.

Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что обжалуемое определение судьи нельзя признать законным и обоснованным, оно подлежит отмене с направлением материалов по заявлению А.В. в суд первой инстанции для разрешения со стадии принятия к производству.

*Апелляционное дело №33-3221/2020
Московский районный суд г. Чебоксары*

Требование о взыскании судебных расходов на представителя не может быть рассмотрено в порядке приказного производства.

ООО обратилось в суд с иском к Б.В. о взыскании долга по договору займа от 21 февраля 2020 года, в том числе основной долг – 40000 рублей, проценты за пользование микрозаймом за период с 22 февраля 2020 года по 15 июня 2020 года в размере 18400 рублей, пени за нарушение сроков возврата микрозайма в период с 21 марта 2020 года по 15 июня 2020 года в размере 1740 рублей, расходов по уплате государственной пошлины в размере 2004 рублей 20 копеек и на оплату услуг представителя в размере 3 000 рублей.

Определением судьи районного суда от 7 июля 2020 года исковое заявление ООО к Б.В. о взыскании долга по договору займа возвращено заявителю на основании подпункта 1 части 1 статьи 135 ГПК РФ.

Возвращая исковое заявление, судья руководствовался положениями пункта 1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ и исходил из того, что требование ООО к Б.В. о взыскании задолженности не превышает 500000 рублей, в связи с чем подлежит рассмотрению мировым судьей в порядке приказного производства.

С данным выводом суда первой инстанции суд апелляционной инстанции не согласился в силу следующего.

В соответствии с пунктом 1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства.

Согласно статьи 121 ГПК РФ судебный приказ - это судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 ГПК РФ, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятьсот тысяч рублей.

В силу абзаца 3 статьи 122 ГПК РФ, судебный приказ выдается, если требование основано на сделке, совершенной в простой письменной форме.

Пункт 1 части 1 статьи 23 ГПК РФ относит дела о выдаче судебного приказа к подсудности мирового судьи.

Согласно пункту 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 62 "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве" судебный приказ - судебное постановление (судебный акт), вынесенное на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 ГПК РФ, и на основании заявления о взыскании денежных сумм по требованиям, предусмотренным статьей 229.2 АПК РФ.

Указанные требования рассматриваются только в порядке приказного производства (глава 11 ГПК РФ и глава 29.1 АПК РФ), в связи с чем подача искового заявления, содержащего требования, подлежащие рассмотрению в порядке приказного производства, влечет за собой возвращение искового заявления (пункт 1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ, пункт 2.1 части 1 статьи 129 АПК РФ).

В соответствии с пунктом 3 Постановления от 27 декабря 2016 года № 62 требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть

беспорными. Беспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые должником.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 5 Постановления от 27 декабря 2016 года № 62, под денежными суммами, которые подлежат взысканию в порядке приказного производства, понимаются суммы основного долга, а также начисленные на основании федерального закона или договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени), суммы обязательных платежей и санкций, общий размер которых на момент подачи заявления о выдаче судебного приказа не должен превышать: 500000 рублей - по заявлениям, рассматриваемым мировыми судьями, включая заявления об истребовании движимого имущества от должника (часть первая статьи 121 ГПК РФ), четырехсот тысяч рублей и ста тысяч рублей - по заявлениям, рассматриваемым арбитражными судами (пункты 1 – 3 статьи 229.2 АПК РФ).

При решении вопроса о принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа мировой судья должен установить бесспорность требований, поскольку именно бесспорность является основной из предпосылок рассмотрения требований в порядке приказного производства.

Требование о взыскании судебных издержек, которые возникли у лица в связи с подачей в суд заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа, не указано в числе требований, в отношении которых может быть выдан судебный приказ (статьи 122, 127 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Из искового заявления следует, что ООО, помимо требований о взыскании задолженности по основному долгу и процентам, заявлено также требование о взыскании с ответчика судебных расходов на оплату услуг представителя в размере 3 000 рублей.

Бесспорность взыскания судебных расходов нормами процессуального законодательства не предусмотрена.

Напротив, согласно разъяснениям, данным в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов (часть 3 статьи 111 АПК РФ, часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 4 статьи 2 КАС РФ). Вместе с тем в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон (статьи 2, 35 ГПК РФ, статьи 3, 45 КАС РФ, статьи 2, 41 АПК РФ) суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер.

В силу принципа состязательности сторон ответчик обладает правом заявить о чрезмерности требуемой суммы и обосновать разумный размер понесенных заявителем расходов применительно к соответствующей категории дел с учетом оценки, в частности, объема заявленных требований, цены иска, сложности дела, объема оказанных представителем услуг, времени, необходимого на подготовку им процессуальных документов, продолжительности рассмотрения дела и других обстоятельств.

Доказательства бесспорности указанного требования с учетом конкретных обстоятельств настоящего спора в деле отсутствуют.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в определении от 28 февраля 2017 года № 378-О, в приказном производстве судебный приказ выносится судьей единолично по беспорным требованиям, подтвержденным письменными доказательствами, без судебного разбирательства и вызова сторон для заслушивания их объяснений; возражение должника относительно исполнения судебного

приказа влечет его отмену без выяснения вопроса о правомерности заявленного требования с разъяснением взыскателю его права предъявить заявленное требование в порядке искового производства (часть первая статьи 121, часть вторая статьи 126 ГПК Российской Федерации, статья 129 ГПК Российской Федерации), а потому распределение судебных расходов между взыскателем и должником судьей при вынесении судебного приказа не осуществляется - за исключением государственной пошлины, подлежащей взысканию с должника в пользу взыскателя или в доход соответствующего бюджета (пункт 8 части 1 статьи 127 ГПК Российской Федерации).

Таким образом, требование о взыскании судебных расходов на представителя не относится к требованиям, указанным в статье 122 ГПК РФ, в связи с чем не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства.

Суд первой инстанции, возвращая исковое заявление ООО к Б.В. о взыскании задолженности по договору займа, расходов по оплате государственной пошлины и услуг представителя не принял во внимание названные положения закона и разъяснения.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции обжалуемое определение отменил, а материал направил в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии иска к производству суда.

*Апелляционное дело №33-3184/2020
Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики*

Требования о передаче жилых помещений, требования о передаче машино-мест и нежилых помещений до вынесения арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства подлежат разрешению в суде общей юрисдикции.

Л.В. обратилась в суд с иском к ООО "СК "Гарант" в лице временного управляющего члена саморегулируемой межрегиональной общественной организации "Ассоциация антикризисных управляющих" А.А. об определении условия соглашения между ней и ООО "СК "Гарант" во исполнение договора участия в долевом строительстве от 25 декабря 2009 года между ней и ООО "Высота" квартиры оставшейся неоплаченной площади квартиры 31,6 кв.м. из расчета действительной рыночной стоимости затрат ООО "СК "Гарант" на завершение строительства и сдачу в эксплуатацию многоквартирного жилого дома со встроенно-пристроенными помещениями обслуживания в размере 15 854 рублей 82 копеек за 1 кв.м., признании за ней права собственности на квартиру фактической площадью 37,1 кв.м.

Определением судьи районного суда исковое заявление Л.В. возвращено истцу со всеми приложенными к нему документами по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ, в связи с его неподсудностью районному суду.

Возвращая исковое заявление Л.В. на основании приведенной правовой нормы, судья исходил из того, что указанный спор подсуден арбитражному суду, поскольку в отношении ООО "СК "Гарант" введена процедура банкротства наблюдение.

Суд апелляционной инстанции с таким выводом судьи не согласился, указав, что согласно части 3 статьи 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к компетенции арбитражных судов.

Пунктом 1 статьи 201.4 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" в редакции, действующей с 1 января 2018 года, предусмотрено предъявление требований о передаче жилых помещений, требований о передаче машино-мест и нежилых помещений, в том числе возникших после даты принятия заявления о признании должника банкротом, и (или) денежных требований участников строительства к застройщику только в рамках дела о банкротстве застройщика

с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства в отношении застройщика, в ходе внешнего управления в деле о банкротстве застройщика.

Ранее действующая редакция указанной статьи Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ предусматривала предъявление таких требований с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика и всех последующих процедур, применяемых в деле о банкротстве застройщика.

Тем самым по смыслу положений статьи 201.4 Закона о банкротстве в действующей редакции введение в отношении должника процедуры банкротства наблюдение не является основанием для предъявления требований участников строительства, возникших из договоров участия в долевом строительстве, к застройщику в рамках дела о банкротстве.

Из представленных материалов следует, что определением Арбитражного суда республики от 12 марта 2020 года в отношении ООО "СК "Гарант" введена процедура банкротства наблюдение с назначением временного управляющего.

Таким образом, исходя из того, что обращение истца Л.В. в районный суд республики с иском имело место до вынесения арбитражным судом определения о введении в отношении застройщика ООО "СК "Гарант" процедур банкротства внешнее управление, конкурсное производство, требования Л.В. в силу положений пункта 1 статьи 201.4 Закона о банкротстве подлежат разрешению в суде общей юрисдикции. Соответственно, у судьи не имелось предусмотренных законом оснований для возврата искового заявления истца в связи с неподсудностью дела суду общей юрисдикции.

*Апелляционное дело № 33-3246/2020
Ленинский районный суд г. Чебоксары*

Споры о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ общества подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции.

ООО "Волгатехносфера" обратилось в районный суд с иском к М.В., как бывшему директору ООО "ТехСтройСервис" о взыскании задолженности в размере 197 060 рублей в порядке субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ ООО "ТехСтройСервис".

17 июля 2020 года районный суд республики принял определение о передаче гражданского дела по иску ООО "Волгатехносфера" к М.В. о взыскании денежных средств на рассмотрение в Арбитражный суд республики.

Передавая дело в Арбитражный суд республики, суд первой инстанции исходил из того, что дело не подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции, поскольку возникший спор между ООО "Волгатехносфера" и бывшим директором ООО "ТехСтройСервис" М.В. носит экономический характер и подлежит рассмотрению и разрешению в порядке арбитражного судопроизводства.

С указанным определением суд апелляционной инстанции не согласился.

Судом установлено, что ООО "Волгатехносфера" обратилось в суд с иском к М.В., как физическому лицу – бывшему директору должника ООО "ТехСтройСервис", исключенному из ЕГРЮЛ, о взыскании с ответчика в порядке субсидиарной ответственности денежных средств, ранее взысканных судебным приказом Арбитражного суда республики от 17 декабря 2019 года с ООО "ТехСтройСервис" по договору уступки права требования исполнения обязательства, обосновывая свои требования наличием у истца такого права, закрепленного пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью".

Согласно пункту 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 21 "О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства,

регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации" дела о взыскании убытков с руководителя организации (в том числе бывшего) рассматриваются судами общей юрисдикции и арбитражными судами в соответствии с правилами о разграничении компетенции, установленными процессуальным законодательством (часть 3 статьи 22 ГПК РФ, пункт 2 части 1 статьи 33 и пункт 3 статьи 225.1 АПК РФ).

В соответствии с частью 3 статьи 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к компетенции арбитражных судов.

Согласно пункту 2 части 1 статьи 33 АПК РФ, в редакции на момент принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 года № 21, арбитражные суды рассматривают дела по спорам, указанным в статье 225.1 настоящего Кодекса.

Эти же положения процессуального права закреплены в пункте 2 части 6 статьи 33 АПК РФ действующей редакции.

В статье 225.1 АПК РФ перечислены дела по корпоративным спорам (спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей). При этом частью 3 указанной статьи регламентируется возможность и условия передачи арбитражными судами некоторых корпоративных споров на рассмотрение третейского суда.

Согласно пункту 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества.

Приведенные в пункте 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ основания для привлечения к субсидиарной ответственности являются специфичным механизмом для привлечения к такой ответственности контролирующих лиц исключенного из ЕГРЮЛ общества. Такой спор статьей 225.1 АПК РФ не отнесен к корпоративным спорам и не подпадает под специальную подсудность арбитражного суда.

В связи с чем, исходя из субъектного состава данного спора, который предполагает компетенцию суда общей юрисдикции, и не относится к категории споров, рассматриваемых арбитражными судами, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии у районного суда правовых оснований для передачи дела по подсудности в Арбитражный суд республики.

*Апелляционное дело № 33-3273/2020
Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики*

5. Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике.

Вопрос:

На выдаваемой копии определения об утверждении мирового соглашения делается ли отметка о дате его вступления в законную силу и в какие сроки?

Позиция:

Согласно части 11 статьи 153.10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации определение об утверждении мирового соглашения подлежит немедленному исполнению и может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного месяца со дня вынесения такого определения.

В суд апелляционной инстанции такое определение не может быть обжаловано.

Таким образом, определение об утверждении мирового соглашения вступает в законную силу со дня его принятия и на выдаваемой копии такого определения должна делаться отметка о дате вступления его в законную силу.

Судебная коллегия по гражданским делам
Верховного Суда Чувашской Республики